

В.В. КОЛЕСОВ

Редуцированные гласные в древнерусских текстах

Уважаемый юбиляр многое сделал для изучения исторической грамматики и фонологии древнего славянского и древнерусского языков; ему принадлежат важные исследования по истории редуцированных гласных – может быть, самой интересной страницы такой истории. Желая почтить Тота Имре в светлую его годовщину, хочу представить свои наблюдения над употреблением редуцированных в замечательном памятнике средневековой русской литературы – Летописце Еллинском и Римском 2-ой редакции, недавно превосходно изданном другим тружеником науки и сверстником Тота, О.В. Твороговым (Том 1. Санкт-Петербург, 1999).

Летописец составлен в XV в. из многих древнеславянских и особенно древнерусских переводных текстов, среди которых такие обширные, как Хроники Амартола, Малалы, Александрия, книга пророка Даниила в толковании, византийские хроники, описывающие принятие христианства и царствования императоров, отрывки из поучений отцов церкви и борьбу с еретиками на церковных соборах; есть здесь и выдержки из русских летописей. Самое первое знакомство с текстом Летописца показывает богатство его лексических и грамматических особенностей, почти исчерпывающе отражающих момент перевода (XI–XII вв.), заботливо перенесенных писцами из более ранних оригиналов. Древний Летописец должен был сохранить архаику своего вида, но вместе с тем впитал и особенности речи XV в.

Здесь находятся такие архаизмы, которые редко отражены и в рукописях XII в., поскольку тогда существовали свои запреты на отражение языковых новаций; например – архаическая система склонения основ на согласный, система глагольных времен (в том числе и в русских формах архаического аориста и имперфекта типа *жить*, *пойть*, *дать*, *начать*; *бѣхуть* и *бяхуть*, *живяхуть*, *глаголахуть*, *миловашеть*), архаические формы причастий и даже супина (*прииде жалѣтъ* 68, *изиде воеват* 472), во всей чистоте и во всех категориях сохранились формы двойственного числа и т.д.

Вместе с тем, списки Летописца – это рукописи XV в., и внешние следы „2-го южнославянского влияния” в них отражаются в виде формальных написаний типа *сѧ*, *добрыѧ* и т.д., в том числе и в сочетаниях типа **tъrt*: *пръвыѧ*, *жръчьскыѧ* и т.д. Особенность лишь в том, что новые орфограммы только-только начинают проникать в тексты официального

характера, и можно проследить характер и условия разграничения написаний условно-орфографических и реально-произносимых. За непоследовательно внешними проявлениями чужеродной орфографии проглядывает ситуация, исторически важная, например, для суждений об истории редуцированных гласных. Редуцированные уже исчезли как фонемы, следы этого заметны даже в северных по происхождению списках Летописца (в северных русских говорах падение редуцированных происходило позже всего – чуть ли не в начале XIV в.): в них одновременно могут быть написания *гдѣ* 404 и *кдѣ* 359, *чресь всю* 451 и *чрезь все* 460, *възпи* 377 и *въспи* 341, но последовательное отражение ассимиляций типа *свадьба*, *здание*, *здравъ* и пр. определенно отражают последствия падения редуцированных даже в орфограммах. Тексты отражают тот момент изменения редуцированных, когда происходило фонетическое удлинение сильного редуцированного, но процесс его обобщения в парадигме склонения еще не завершился (идея парадигмы не была еще осознана). Мы можем встретить соответствия типа *чтець* – *четца* 307, *хребет* – *хребьта* 386, *снемъ* 22 вместо *сонмъ*, *жрецъ* 62 – *жерца* 27, *жерцу* 61, *жерци* 213 и др. при отсутствии выравнивания словоформ по парадигме. Особенно это характерно для изолированных слов – предлогов и наречий типа *искръ*, *близъ*, *чресь*, *мякъко* и др.; ср. также написание наречия *въину* '(на)вечно': *въину* 84, 399, 479, 483, 495, *выну* 58, 61, 401, 469, *выину* 454, *воину* 337 и др. (здесь и далее примеры приводятся неисчерпывающе) – колебания показывают, что писцы затрудняются в изображении малознакомого слова, отражающего изменение напряженного редуцированного в слабой позиции. Некоторая условность написаний проявляется в последовательной передаче местоимения мужского рода *весь* как *всь* (противопоставлено имени *весь* 'село'). Во многих местах можно встретить совершенно архаические написания типа *мъного*, *мьскы*, *пътица*, *пъта*, *кънязь*, *мьзда*, *мьгла* и др., а также выдающие севернорусское происхождение текста написания типа *рку*, *рченое*, *наркоша*, *ркоста* и пр.

Тем не менее редуцированные уже исчезли, и это доказывается последовательной передачей сильных редуцированных: *простецъ*, *скопецъ*, *отець*, *лодеи*, *гридеи*, *кадеи*, *третей*, *рыбеи хвостъ*, *звѣренъ*, *звѣрекъ*, *мужескъ*, *женескъ*, *бабескъ*, *лвовескъ*, *маслиненъ*, *храборъ*, *сесца*, *сотлишиа*, *пожертъ*, *наченшу* и мн. др. (но ср. *огнь* 359, *вътръ* 402 без неорганического гласного). Здесь много написаний, которые способны подтвердить мнение В.Р. Кипарского о том, что в процессе падения редуцированных (а он был длительным) могли возникать ситуации, усложнявшие произношение сложных сочетаний согласных, и тогда слабый редуцированный мог сохраняться как замещение гласности. Это особенно ярко проявляется в написаниях архаических форм, например, старых форм страдательного причастия типа *оставлеше дѣло* 367, *явлешеся ему* 368, *удивлешеся* 272, *противлешюся ему* 412 и т.д. (часто) или суффиксальных типа *воине-*

ство 312, разнеству 326: храборьствие 334, напраснеству 334, богатество 364, добромудрествующа 383 и др.; изыщено житие 383, корчемарь 428, обещаику 313, доволѣть ти 325, ревенне 334, вящеша 322, Влахѣрнескыми враты 415, воинство 437 и пр. Заметно, что преобладающим типом являются сочетания с сонорным согласным, фонетическая длительность которого требовала передачи некоторой гласности звучания.

Краткий перечень этих фактов показывает важность данного источника для изучения древнерусской фонетики и вместе с тем демонстрирует сложность в решении вопросов, которые мы перед собой ставим в настоящих заметках: какова в этом памятнике система передачи сочетаний типа **turt* и какие основания ее поддерживают в переходный период развития древнерусской фонетики в связи с изменяющейся (под внешним влиянием) системой их обозначения. И – в какой мере все отмечаемые различия связаны с живой речью XV в.

Ответ на второй вопрос дают примеры типа только что приведенных. Нсорганическая гласность в соседстве с плавными наиболее интенсивно проявляется примерно на с. 280–390, это текст „Начало царства хрестьяньска“, который мог содержать в себе особенности речи, характерные для северных говоров XIII–XIV в. (отражены и в новгородских берестяных грамотах).

Наоборот, отражение ассимиляции согласных по мягкости-твёрдости, состоявшейся в результате падения редуцированных, полнее всего (и массово) отражены в начальных частях текста: это книга пророка Даниила, „Начало царства римскаго“ и Александрия; ср. примеры „смягчения“ *ельинскѣ* 64 (также *еллинъское* 313, *ельинъ* 420), *коньчина* 68 (также *коньчину* 388), *землю* 116, *сѣѣны* 43, *чясьти* 80, *власѣтию* 64, *область* 77, *опусѣѣниа* 52, *запечатѣѣшиа* 59, *обѣѣщена* 51, *вѣскорѣми* 81, *възвѣсьѣшиа* 40, *въ сѣтегнахъ* 84, *зѣѣрь* 48, *вышѣняго* 47, *проказѣствѣ* 51, *любѣе* 91 и мн. др. при обозначении отвердения перед твёрдым согласным: *сосуд стѣкланъ* 145, *зѣѣзѣдныи* 92; 147, *зѣѣзѣднѣя* 134, *земьное* 156, *царѣ ужѣзнаго* 64, *гривѣну* 46, и особенно при написании заимствованных слов типа *Авѣгусту* 317, к *Керѣксови царю* 173, *гиганѣта* 8, *горѣгоню* 171, *ольтарѣя* 486, у *рахѣманъ* 144 (также *варѣвары* 415, *варѣварѣмъ* 427) и т.д. Исключения редки: *рѣвенне* 486 при *ревенне* 334 (доказывает наличие гласности в сочетании согласных), *ломѣяху* 132. Зато последовательно пишется ѣ в суффиксальных на месте ь: *стрѣмѣство* 44, *дѣсѣное* 92, *мудрѣствовати* 9 (часто) при отмеченном уже написании с е (доказывает наличие гласности) и пр., и особенно в заимствованной лексике типа *егупетѣскимъ* 93, *еладѣскы* 93, *кедрѣскиа* 299, *жидовѣства* 158 и пр. Характер примеров показывает ранний этап взаимного смягчения-отвердения согласных: смягчение охватывает в основном зубные согласные, тогда как отвердение происходит в соседстве с заднеязычными (на протяжении

всего текста сохраняются написания типа *кы, гы, хы* при наличии рефлексов палатализаций типа *руци, в руцѣхъ* и под.).

Подобные особенности письменного памятника, разграничивающие достаточно точные фрагменты составляющих его текстов, могут быть оценены как специально диалектные, но они отражают какие-то (разные) этапы в развитии редуцированных. Совмещение их друг с другом в условиях несформировавшейся орфографической системы весьма любопытно; здесь можно получить информацию о последовательности самих изменений.

Важно заметить, что вообще в зависимости от самого текста (его состава, содержания и времени перевода) в Летописце возникают колебания и варьирования языковых средств – вплоть до лексических: возможны разные написания одного и того же (по смыслу) слова типа *папа – папезж, боярин – болярин, сеи – сесь, крестьяне – христiane*, и особенно лексические замены согласно с первоначальным переводом текста (*выя – шея, грамота – харатья*) и т.д. Заметна также разная плотность лексических и семантических русизмов в тех или иных текстах Летописца.

Ответ на первый вопрос (о системе обозначений **tʲyl-*корней) мы получим по рассмотрении фактов, к изложению которых и приступаем.

Почти независимо от текста в составе памятника многие корни весьма последовательно и очень активно передаются в русской орфографии: *в болгарехъ* 471, *болгарскому* 476 и обычно так с некоторыми исключениями, *боръзии конѣ* 407, *боръзости* 448, *веръсты* 8, *сверъстникъ* 308, *вертепъ* 300, 333, *к вертпу* 314, *въ вертпѣ* 330 (*въ врьтпѣ* 199), *вертпы* 327, *изъвертѣ* 439, *въ вертоградѣ* 19, *волци* 156 (*вльци* 159, *вльчицами* 83), *вольхвъ* 25, *волхва* 24 (но только в этом месте), *голъка* 141, *погорбенъ* 'горбат' 469, *гордѣ* 48, *всѣ гордѣ* 460, *горда, горду, гордыню* 334 (в других текстах *гръдыню* 100, *гръдыни* 44, *гръдости* 150), *дверники* 258, *безъдверны* 378, *издолблени* 165, *долгы шеи* 132, „житие кратко, Суд же долгъ” 398, *желтѣ* 465, *желъчение* 107, *жерновныи* 14, *исъ керъсты* 176, *керъстицу* 110, 111, *по керстѣ* 328, *коръстицу съ златом* 110 (также *кръстицу* 112), *коръмлю* 97, *кормящеи, кормити* 101, *кормить* 23, *коръмилъ* 449, *коръмникомъ* 492 (также *кръмити* 111, *кръмлю приимати* 471), именные корни *мертв-* и *съмерт-* постоянно и часто пишутся с *е* (*смерть* 113, 147, 157, 260 и др.; *умертвишиа* 19, *мерътвитъ* 286, *умерътвишиаго* 286, *мертвъ* 103, *умерътвие* 497 и др. с редкими исключениями „съмрътъ ми есть” 21, *умръшиа* 69 и 149), *умольваю* 326, *намольваленъ* 335, *умолькнути* 286, *умолькну* 474, 496, *мольниа* 136, 502, *молниным* 302, *молнии* 358, *мольчящи* 320, *молчати* 312 (также *млъчанию* 122, *млъчит* 204), *персми* (*перси* 'грудь') 308, *в перъси* 466, *полкъ* 495, *в полку* 141, *исполчатися* 317, *исполчены* 339 (также *плъкы* 20, *исплъчитися* 106 в других текстах), словесный корень *скверн-* обычно с *е* (*осквернят* 169, *сквернѣи воли* 248, *сквернии* 261, 320, *оскверняше* 310 и др., но также *сквърное* 219, *осквърни* 320), 12 *сернѣ* 371, *от скор-*

нии 248 (bis), яко сморцѣ 241 (смерчи), постоянно солнце 311, солнцу 173, 509 (bis), о солнци 216, съ солнцемъ 111 (вариант по рукописям солнцем), от столпа 484 и в производных надстолпа 370, столпникъ 392, столпци 370 (также стълъ 248, стълпа 27 в другом тексте), твердъ 225, твердъ 3 (bis), тверда 58, твердо 124, въ твердѣ умѣ 9, въ твердилех их 66, твердильных 66 (но градъ тврѣдъ 225), истеръгнути 308, истеръгнувшие 386, оттеръзнет 438, сторъзну 469, востерзаетъ 334, разстерзая 320 (и растеръзнетъ 22), также расторъзнутися 449, вытеръзнет 406, поторгаша 481, власы торъжа 465; протолклѣ 237 (и истлъчена 173, тлъкъ 48, тлъкуеть 5, тлъкуя 172), толицу многу 369, толъстинам 473, в толъстоту 366 (также тлъсты 72, тлъцею 71 в другом тексте), на торзѣ 78, на торгу 467, Волюи торгъ 389, у холма 388 (в другом тексте той же рукописи на хломѣ, при хлъмѣ 71), последовательно с е пишется слово церковь (также церквы 71 и под. с добавочным редуцированным); столь же последовательно с е пишутся корни червъ, черн и чермн, ср.: червъ 355, червемъ 467, черви 104, червие 165, о червѣх 134 и др. (исключения: чръами изъядени 211); также чернь 508, черную 389, черноризъчкои чинъ 452 и др.; червление 107, червлену 80, червленую 79, 80, червленого 301 и мн. др.; чермень, учермень 104, черъмное 170 и мн. др., ср. „черъмныи же или червълюю очервленъ ... червление" 107.

Таким образом, около сорока словесных корней очень частого употребления почти без исключений пишутся „по-русски", т.е. в полном соответствии с нормами произношения этих слов и словоформ в языке. Никакого внешнего „влияния" здесь не отмечается или отмечается в виде исключений на общем фоне возможных других написаний, к которым сейчас обратимся. Сейчас же отметим очень охотно используемое двойное написание типа оръ или орѣ, и это наталкивает на мысль, что в воспроизводимых в XV в. текстах отражена некая дополнительная гласность, восходящая к древнерусскому „второму полногласию" или же (что вероятнее) воспроизводится несогласованное совмещение реально русского произношения с создающимся на основе новых форм искусственного написания этих слов. Точнее обозначить причину мы сможем только после изложения второго ряда фактов.

Они таковы.

Преимущественно в новой орфографии употребляются следующие словесные корни: *върг-*, *върх-*, *вълхв-*, *държ-*, *дърз-*, *жърло*, *жъртва*, *мърз(ък)-*, *пълз-*, *първ-*, *пърс-*, *пърстъ*, *пърсть*, *сърд(ьце)*, *скърб-*, *търн-*, *търп(ѣти)*. Все они употребляются в текстах разного перевода, иногда пишутся „по-русски" с е, но обслуживают те фрагменты, которые можно связать с выражением высокого стиля или соотносить с какими-то особыми формами выражения (неповседневного характера) или просто терминологически важными.

Примеры: *повръжено* 182, *въвъръженъ* 29, *отвъръжеса* 20, *отвъръзе*, *отвъръзше* 310 как обычные при исключениях: *сверъже* 468, *испроверже* 391, *изъверже* 450; *врѣховнии* 456, *от врѣха*, *врѣхи*, *врѣховъ* 340, *сврѣшена* 343, *сврѣшитися* 343, наречие *врѣху* 105, 176, 369 и постоянно (также *врѣху* 5 в другом списке) при исключениях *верхъняя* 384, *сверѣшеное* 413; *вълна чиста* 47 ('шерсть'), *вълнени* 171; *вълхвъ* 11, *вълхва* 94, *вълхвы* 40, *вълсви* 45, *вълхвомъ* 45, *вълхвоуе* 23, 87, *повълхвует* 94, *лжевълшвениемъ* 436, *вължбу* 6, *вълхвоваше* 87, *вълхвуя* 86 и мн. др., но с исключением в некоторых производных и глагольных формах: *волхвовати* и *жрътву сътвори* 13, *волжъбы* 13, *волхвованиа* 13, 61, *волъшвениемъ* 217, 219, *волишвениемъ* 416, ср. также *чревовълшшевениемъ* 445 (данное написание показывает, насколько это искусственная форма для писца); *одръжаи* 10, *дръжаща* 9, *дръжаса* 52, *удръжах* 63, *дръжавъ* 110, *недръжимоу* 471, *самодръжцемъ* 469, *единодръжець* 466, *самодръжному* 470 и мн. др. с исключением *въздержанъ* 478; *дръзнути* 107, *дръзь* 176, *дръзи* 127, *дръзи* 137, *съ дръзновениемъ* 126, *дръзо* 30, *дръзну*, *дръзает* 438 и мн. др. при явных исключениях: *съ деръзновениемъ* 174, *деръзнувъ* 402, *деръзновенью* 404, *деръзновениа* 334, *деръзновениемъ* 428, 429, 439, 441, *деръзновенныа* 423; *жрълом* 21, 22, 68; *жрътва* 34, *жрътву* 12, 103, 445, 450, *жрътвы* 467, *жрътовницу* 28, *жрътъвницы* 222, *жрътвеную* 308, *жрътвеныа* 310 и мн. др. при исключениях *жерътвы* 128, *жерътву* 276, *жерътвы* 456, *жертвы* 445, *жертовница* 391, в других текстах; особенно много разных вариантов написания в корне *мърз(ък)-*, в каждой части рукописи находим свои особые написания: *мръзости* 50, *мръскаго* 255, *мръско* 308, *мръси* *суть* 325, *мръско* 308, *мръзости* 449, *мръзъщи* 438 и мн. др., но также *меръѣи* 405, *меръскыи* 428, *меръскыхъ* 434, *меръская* 434, *мерзость* 437, *меръскыхъ* 439, *мерзостии* 437 (все почти в одном месте); *змѣа плъзуще* 102; *пръвыи* 3: *пръвая* 12, *пръвое* 182, 183, *пръвъе* 9, 366, *испръва* 33 и др. постоянно, *пръвенець* 197, *пръвообразныхъ* 450, *пръвостолникомъ* 470 и мн. др. с исключениями *исперва* при *изначала* 459; этноним *пърсы* в исключительных случаях пишется как *перская* 129, *яко перский* 33, *в перъскихъ*, 312, *перъстии* 311, также *в персы* 273, *в Перъсы* 309, но постоянно и часто как *пърси* 48, 128 и др., *пърскому* 14, *пърсяны* 107, *пърскыи* 261, 312 и мн. др.; *пърсть* 468, *пърстью* 379 и др. (исключение: *персть* *земная* 359); *пърсты* 25, 45, 46, *пърстомъ* 148, *пърстнемъ* 67, *пърстни* и пр.; *сръдце* 37, 41, 46, 311, 494, *сръдца* *своего* 498, *сръдцю* 38, 497, *сръдци* 53, 55, *сръдцемъ* 48, 250, 390 и мн. др., также *сръдоболя* 50, *милосръдъ* 51, *милосръдие* 490 и пр., с исключениями *серъдце* 37, *сердца* 25, *милосердъ* 115; *скръби* 51, *скръбѣниа* 66 и др. только в таком написании; *под тръномъ* 22; *претръпѣвшиа* 38, *долготръпѣниа* 7, *страстотръпца* 31, *тръпѣвыи* 50, *тръпѣти* 203 и мн. др.

Заметно, что во всех случаях и независимо от этимологии корня (**īryt* или **īryt*) пишется именно *ъ*, другими словами, речь может идти не об остатках фонетического „второго полногласия“, а именно о контамина-

нации произношения с *e* и написания *ъ* согласно развивающейся в это время, но еще не отработанной орфографией, которая, вместе с тем, основана на особенностях реальной (звучащей) фонетики.

На это указывают редкие, но выразительные примеры обратной замены *o* на *ъ*: *настъльникъ* 210 (ср. *състолника* 113 и *состольника* 437) – речь о разделявшем престол императора соратнике; *уъбившеся въградъ* 212; *по грънѣ части стѣны* 368, *грънее* 71 ('верхнее' от слова *гора*). Здесь находим то же колебание в изображении ускользающего в произношении гласного, которое заметно и в случаях с обозначением типа *корѣмлю*: характерно впрочем, что сначала пишется буква, отражающая реальное произношение словоформы, и только потом – условный знак новой орфографии – своего рода компромисс в угоду новым веяниям в орфографии. Почему в данном случае используется в основном один знак редуцированного (*ъ*), сможет сказать наш юбиляр, который много писал об однокорневых древнерусских рукописях, открыв этот тип орфографии (теперь об этом пишут уже многие).

Что же касается разграничения в лексике, подверженной тому или иному принципу написания, тут необходимо исследовать всю лексическую систему памятника; в нем исключительно много слов бытового и разговорного характера, отражающих особенности светской жизни – и вместе с тем возникает необходимость в выражении некоторых сакрально-высоких понятий. Для них и избирается новый способ обозначения лексем – с редуцированным после плавного. Что это верно, показывают два факта: преобладание искусственных обозначений именно при передаче имен существительных (выражают идею или символ), тогда как глагольные формы и прилагательные чаще пишутся с *o*, *e*; а также параллельное состояние с обозначением полногласия **torl*-корней: таких примеров также много. Учитывая их исключительную ценность для исторической фонетики, приведем их по возможности полным списком.

Шли берегом 497, *бороду* 326, *проборовишися* 206, *сквозѣ волохы* 340, *волояху* 508, *волочу* 136, *подволокъ* 234, *волоча* 329, *волотове* 164, *къ волотомъ* 132, *волость* 240, 508, *ворога* 508, *воротившася* 174, *заборолы* 160 (обычно съ забрали 420, 509), *Атила король* 340, *к королеви* 340, *коромолу* 331, *молочны овцы* 142, *мороморяными дѣсками* 328 (обычно *мраморяны*), *перечашеся* 265, *все полонени* 113, *полонѣ* 414, *полона* 274 (о пленниках; но *плѣнѣ*, *плѣнити*, *плѣнение* и др. в отвлеченном значении 'плени' и притом обычно с „ятем“ – по справедливому мнению А.А. Шахматова так писали только до XV в.), *полонити* 316, *дѣяицю полони* 342, *окороки* 478, *до порома* 466, *с порочами* 116, *пропороша* 10, 190, *наволочитѣ* 473, *наволочиты* 474, *наволочитых* 462, *наволочитыя* 473, *своробѣ* 203, *и бысть велика сторожа* 363, *сторонѣ* 492, род. мн. *сторонѣ* 139 (bis), *стороньяя* 194, *узорочие* 473, *паморочна* 139, *пелепелицына клетка* 172, *серени* (варианты: *срени*, *срѣни*) 467, *солому* 139, *колоколы* 104 (bis), 350 (*стрещи его*

316), и горы потолочю 62, толочи 116, толоци 232 (bis), 234 (bis), 237, рас-толоци 228; черес свою землю 364 (без конечного ъ; редкий пример при частом написании типа *чрьсь*, в том числе и имени существительного, сходного по форме: *чрьсь в руцѣ* 423 'кошель'), в шелома мѣсто 331 (шлем 288, на шлем 301).

Неполногласных форм отмечено достаточно много, причем таких (обозначавших бытовые реалии), в которых ожидалось бы полногласие, ср.: на сковрадѣ пекомъ 270, златая 279, чревнаго ради прохода 307, плод чревный 333, въ гласѣ 308, хвастие 353, облакъ 327, а также *гладныи, млеко, вретнице, брадатый* и под. По-видимому, в данном случае действует еще принцип акцентного ограничения, согласно которому на первых этапах формирования полногласия характер ударения определял возможности варьирования „дополнительной гласности” в соседнем слого; в частности, среди наших примеров полногласия много акутированных корней, которые требовали проявления именно второго гласного (под ударением), что и отражалось на письме. Если это предположение верно, тогда понятно обязательное написание „второго гласного” и в корнях типа **tъrl*, и мы снова возвращаемся к предположению о фонетических основаниях данных написаний.

Никаких противопоказаний этому выводу нет. Мы имеем дело с рукописями (или их оригиналами), созданными на русском Севере, скорее всего на псковщине. Это подтверждается типично псковскими особенностями написаний XV в., которые описал еще Н.М. Каринский. Здесь встречаются не только чисто псковские слова (в узмени 492) или особенности написания архаических форм (*рку, рчени*), но и чисто фонетические явления, к числу которых относятся: новый „ять” северного типа (много написаний типа *тѣсть, сѣць, олѣи, лодѣный, топѣрво* и пр.), смешение аффрикат, написания *и* на месте „ятя” в определенных только фонетических позициях, даже написание имени собственного *Софѣи* вместо *Софии* (исключительно псковское написание, по мнению Л.А. Творогова). Вместе с тем, все части рукописей, содержащих в себе текст Летописца, в массовом порядке и почти без исключений отражают древнерусские особенности речи, а именно: написание начальных *у-, о-* в случаях типа *утро, угъ, уноша, уродство; осень, озеро, олень, Олена, оже, один*; постоянные обозначения начального *я-* (*яблоко, яща, ядро*) при возможном употреблении славянизма в случаях типа *адъ* и *агнецъ*; здесь во многих случаях сохраняется употребление *ж* даже в случаях типа *Рождество, одежа, надежа* и пр., а также в глагольных формах, в которых возможно и использование *ч* на месте *щ* (*хочю* как *стражю*). Следовательно, за фонетическими особенностями местной речи переписчики текста следили внимательно, по возможности сохраняя и архаические остатки произношения.

Важно и то, что в зависимости от самого текста (его состава и характера перевода) возникают колебания вплоть до лексических: возмож-

ны разные написания слов типа *папа – папеж, боярин – болярин, сеи – сесь, крестьяне – христиане*, или даже лексические замены согласно первоначальному переводу текста (*выя – шея, грамота – харатья*) и т.д.

Все это значит, что в детальном описании памятника следует обратить внимание на сохранность его текста (вплоть до буквы), что позволяет путем анализа проникнуть в историческую глубину его бытования на Севере и с определенной достоверностью описать последовательные этапы развития основных фонемных изменений. То, что недавно было результатом фонетического изменения, в известный момент становится фонологическим фактом и как таковой формирует орфограммы, на основе которых мы можем судить о существенных изменениях языка и текста.